

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОПЫТ РОССИИ

И СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОССИЯ — КРИЗИСНАЯ ТОЧКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Быть может, каждый народ, прошедший длительный противоречивый путь, открывает какую-то тайну человеческой истории, некоторую сторону ранее скрытых движущих сил социокультурных изменений. За этот опыт народы расплачиваются подчас громадными жертвами, а иногда и гибелью. Но тем самым человечество открывает новые грани многообразия своего существования, новые опасности, наращивает качественно новые пласты исторического опыта.

Россия не может быть понята на основе дуальной оппозиции «Восток — Запад», хотя эти два полюса требуют своей социокультурной интерпретации на материалах России. Иные перспективы открываются при изучении страны в рамках оппозиции «либеральная — традиционная цивилизация». Эта оппозиция носит исторический характер, т. е. раскрывает определенную последовательность времени возникновения цивилизаций. Однако эта оппозиция имеет не только диахронный, но и синхронный характер. Соотношение этих двух цивилизаций раскрывается как соотношение стран и народов, разных суперцивилизаций, отношение элементов разных суперцивилизаций в рамках одного общества, одного народа, одной культуры.

Возникновение либеральной суперцивилизации поставило перед человечеством, перед каждым народом проблему поиска своего места среди суперцивилизаций, проблему перехода между ними. Этот переход можно преодолеть различным образом. Он может быть относительно безболезненным. Но он может привести к ситуации, когда общество как бы застревает в промежуточном состоянии, оказываясь неспособным ни перейти к новой цивилизации, ни вернуться назад. Эта трагическая ситуация ставит какие-то новые, ранее неизвестные про-

блемы не только перед этой страной, но и перед всем человечеством. Этот переход, по сути дела, — проблема всей человеческой истории, так как речь идет о переходе между двумя основными суперцивилизациями¹, о возможности застрять на этом пути, перестать быть страной традиционного типа при неспособности перейти к либеральной суперцивилизации. *Основная проблема промежуточной цивилизации — это исключительная трудность совершения коперниковского переворота, т. е. перехода от традиционной к либеральной цивилизации.*

В России циклические формы социальных изменений расколотого общества привели к выходу на поверхность скрытых механизмов человеческой истории, которые в этой стране проявлялись с особой отчетливостью, что входит в картину самобытности российского общества. Специфика исторического пути России привела к расколу, к чудовищному внутреннему напряжению, разрядка которого могла иметь катастрофические последствия не только для России, но и для человечества. Отсюда возникает особая задача науки — анализ механизмов перехода между обеими цивилизациями, способов избежать на этом пути катастроф, учитывая, что в современном мире они могут разрастись из локальных в мировые. Сегодня опасности, возникающие на переходе между суперцивилизациями, являются одновременно опасностью для человечества, потенциальным источником мирового конфликта. Расколота страна, попавшая в положение «застрявшей», может стать похожей на атомную бомбу, где от соединения две части заряда предохраняет некоторая прокладка. Ее нарушение создает необходимую для взрыва критическую массу.

С момента появления либеральной цивилизации человечество стало развиваться как постоянное взаимопроникновение и конфликт между двумя основными суперцивилизациями. При этом каждая из них постоянно в явном и скрытом виде обращается к другой в поисках способов решения собственных проблем. Соотношения их культур в каждой из стран существенно различны.

В первом эшелоне стран, вступивших на путь либеральной цивилизации, прежде всего в Англии и в США, процесс вызревания новой суперцивилизации шел медленно и не без потрясений. Он не застрял на своих архаичных формах, но поднялся на высшие ступени традиционной цивилизации, чем создал условия для максимально безболезненного перехода к либерализму. Постепенно преодоление традиционализма дало

¹ Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку...»// Атмода (Рига). 1989. 29 апр.

возможность избежать серьезных опасных попыток повернуть назад, подавить либеральные ценности как таковые. Борьба переместилась в сферу диалога на почве либеральных ценностей. Традиционализм, разумеется, не исчез, но постепенно терял массовую базу.

Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, положение усложнилось. Германия по своей культуре и историческим судьбам оказалась втянута в либеральный процесс. Однако ее общая отсталость в условиях серьезного внутреннего кризиса привела к чудовищному бунту традиционализма, приобретшего форму фашизма. Фашизм, апеллируя к древним, прежде всего племенным ценностям, показал разрушительную силу движения, пытающегося всеми силами найти комфортное состояние в национальной исключительности, в насилии над всем, что вызывает дискомфортное состояние, в расизме. Это движение подавило, оттеснило на задний план иные формы традиционализма. Фашизм исторически возник где-то при переходе к развитым формам западного либерализма и был, по видимому, попыткой консервативных элементов предотвратить этот переход. Он возник в период социального кризиса западного капитализма, в период его перестройки, приспособления к системе массового производства, при переходе на более высокий и глубокий уровень всеобщей внутренней связи в обществе. Фашизм был попыткой широких масс приостановить развитие организационной революции, сохранить сложившийся уровень частной инициативы и не расширять его. Сложившиеся ценности, как казалось тем, кто составлял основную силу фашистского движения, находились под угрозой двух факторов — крупного капитала, угрожавшего вытеснить мелкое производство, и коммунизма, ставившего под угрозу любую личную инициативу, самую возможность существования организационных форм частной инициативы. Фашизм опирался на социальные слои, осознавшие связь между динамикой собственного труда и благосостоянием. В России же именно этот слой был жертвой социального переворота. Опасность фашизма, следовательно, связана не столько с промежуточной цивилизацией, хотя и при ней она существует, например, в форме черносотенного движения в России, сколько с переходом к зрелым формам либерализма.

Россия оказалась третьим эшелоном среди стран, вступивших на путь перехода к либеральной суперцивилизации, где традиционализм в результате заколдованного круга, раскола задержался на своих архаичных формах, где либеральные силы не смогли сделать свои ценности господствующими,

где антилиберальная реакция привела к краху государственности, к катастрофе.

В системе этих эшелонов Россия находится в некотором центре, характеризуемом тем, что ни одна из двух суперцивилизаций не заняла в нем господствующее положение. Россия находится в кризисной точке истории. В отличие от всех других эшелонов здесь сложилось некоторое подобие патовой ситуации, когда, с одной стороны, традиционализм сохранил свою мощную массовую базу, но, с другой — столь же массовое влияние умеренного утилитаризма создало почву для постоянного культивирования либеральных ценностей, хотя и в одностороннем, усеченном виде. В России взаимное отрицание традиционализма и либерализма привело к расколу. Сложность перехода к либеральной суперцивилизации заключается в том, что для этого нужен неуклонный подъем творчества, рост массовой личной инициативы в сфере труда, экономики и социально-политической жизни, переход к новому типу производства на основе нового менталитета. При этом возникает опасность того, что будет нарушена мера деятельности по защите локальных интересов и одновременно большого общества.

Специфика первых, двух эшелонов заключается в том, что рост утилитаризма, городов, весь социально-культурный процесс обеспечил медленное приобщение всего общества к ценностям либерализма, медленно менял характер социальных интеграторов. Практически это означало, что власть постепенно, хотя и не без конфликтов, склонялась к либеральному развитию, иногда отставая, иногда обгоняя почвенный процесс либерализации. Вспышки традиционализма, прежде всего крестьянские восстания, включая знаменитую Вандею, не могли затормозить усиление либерализма, развитие срединной культуры.

Миллионы людей, которые умеют защищать себя, свои локальные интересы, одновременно осознанно совершенствуя целое, развивая государство, являются величайшим достижением западной цивилизации, выработанным в процессе длительного развития культуры, бесконечных проб и ошибок. Развитие ответственности за целое, осознание того, что государство — результат непосредственного творчества миллионов, а не грозная внешняя капризная сила, — мучительный процесс. Он не закончен нигде, даже в самых развитых либеральных странах. Переход стран Запада ко второй суперцивилизации сопровождался периодическими возмущениями каких-то групп, которые могли быть направлены как против тягостного и изживающего себя старого строя, так и

против новой системы, которая еще не научилась в должной степени учитывать их ценности. Однако практически стабилизация в конечном итоге опиралась на растущие, пронизывающие основную массу населения ценности развитого утилитаризма и либерализма. Для средневекового Запада было характерно свободное правовое равновесие между разными слоями, уменьшение односторонней зависимости, что снижало вероятность раскола. Великая победа Запада заключалась в том, что *«западные страны модернизировались в целом, всей системой переходя от эпохи к эпохе, успевая „просветиться“ до низов, до санкюлотов»*². Это создавало путь для превращения низа в верх, для возрастающего влияния низов на власть, но уже не через восстания, а посредством либерально-демократической системы.

Этого результата нельзя достичь инверсионным скачком, уничтожением в единый миг старой власти. Правящей элите, например, в *старом Китае*, не всегда удавалось противостоять разрушению уравнительности. В таких случаях начинали действовать скрытые мощные механизмы, призванные восстановить прежнее положение. В качестве такого рода механизмов выступали крестьянские восстания, сметавшие старую правящую элиту и выдвигавшие новую, преданную уравнительным идеалам. *Новая элита, почвенная по происхождению, получившая власть в результате крестьянского восстания, неуклонно следовала уравнительному принципу в распределении земли, в налоговой системе. Тем самым большинство населения Китая — крестьянство успешно обеспечивало прочность государства, призванного хранить традиционные ценности.* Следовательно, локальное творчество в моменты национальных кризисов, выплескиваясь вверх, оказывалось способным обновить правящую элиту и сохранить государственность. Это могло иметь место лишь в результате однородности конструктивной напряженности на всех этапах общества, в результате отсутствия раскола, что позволяло пастуху стать императором. Хвастовство Хрущева, что в детстве он пас гусей, имело за собой определенную древнюю историческую традицию, стремление правящей элиты обосновывать свои права приверженностью народным ценностям.

Сохранению на всех этапах общества древнего Китая единой конструктивной напряженности способствовал механизм постоянного обновления правящей элиты. Система экзаменов, требуемых для занятия официальных должностей, в принципе делала возможным для человека, занявшего первое

² Померанц Г. С. Модернизация// Самосознание. Нью-Йорк, 1976 (курсив мой.— А. А.).

место на экзаменах, независимо или почти независимо от его происхождения стать затем императором. *Такая система постоянно укрепляла государство, стимулируя движение вверх свежих консервативных сил, что предотвращало раскол.*

В России крестьянские восстания также пытались смести правящую элиту, разрушить государство, заменить его системой однотипных общин, использовать опыт казацкого круга. Однако раскол, неспособность управлять обществом, где уже получил существенное развитие новый тип конструктивной напряженности, привели к тому, что восставшие не могли интегрировать расколотое общество. Это обуславливало их поражение. В этом, казалось бы, было явное преимущество России, так как здесь выявлялась неспособность архаичных сил затормозить поступательное развитие, остановить развитие новых ценностей, что открывало путь прогрессивному развитию, просвещению, модернизации. Но одновременно и элита не могла подчинить народ новым ценностям, не могла обеспечить поступательное развитие либерального типа. Эта обоюдная неспособность усиливала раскол, приводила к росту взаимного отчуждения и страха, ненависти почвы к элитарным слоям. В результате накапливался взрывоопасный материал, что с неизбежностью приводило к периодическим разрушениям государственности.

Специфика России заключается прежде всего в том, что она пытается приспособиться к переходному состоянию, закрепиться в нем, в крайней болезненности этого процесса. Специфика России в том, что раскол, будучи результатом неспособности завершить этот переход, стимулирует, создает, формирует специфическую систему неорганических явлений (например, беспечность интеллигенции, хромающие решения и т. д.). Это позволяет *рассматривать Россию как некоторый особый неорганический цивилизационный тип. Ее исторический опыт может служить основой для изучения опасностей перехода от традиционной к либеральной цивилизации, пролить свет на определенные процессы, протекающие и в других странах.*

ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

В рукописи 1981 года мною был зафиксирован следующий вывод: *«Первый модифицированный инверсионный цикл, который можно назвать также первым глобальным периодом, состоял из семи этапов. Второй инверсионный цикл прошел пять полных этапов, аналогичных соответствующим этапам первого периода.*

Сопоставление двух глобальных периодов позволяет говорить о некоторых важных закономерностях истории России. Последовательно сменяют друг друга нечетные идеалы в обоих глобальных периодах (первый, третий, пятый, а в первом глобальном периоде — и седьмой), ориентированные на народную Правду, на ценности земли. Они несли в себе опасность победы локальных принципов, победы анархической воли над целым, опасность того, что общество, по словам Г. Федотова, будет „сожжено“. Неконструктивность этого движения приводила в конечном итоге к инверсионной смене ценностей, к идеалам Правды большеака, первого лица в государстве (второй, четвертый и шестой идеалы). Этот тип идеала, однако, также оказывался в конечном итоге неконструктивным, так как перекрывал все источники творчества, „замораживал“ все живое тело страны. Модифицированные инверсионные циклы, оба глобальных периода делятся на два полупериода. Граница их находится в середине четвертого этапа, в момент апогея крайнего авторитаризма и начала его упадка. Первый полупериод связан с колебательным движением от соборного идеала к авторитарному, история второго — колебательное движение в противоположном направлении и представляется в известном смысле зеркальным отражением первого. Многое в нем приобретает противоположную направленность. В первом полупериоде общество двигалось от разочарования в хаосе народной Правды, от разочарования народа в собственных силах к крайнему авторитаризму. Преобладающее настроение, хотя и не без колебаний, тяготело к вере в „Моисеев жезл“ власти. Во втором полупериоде общество двигалось от разочарования в деятельности власти к локальным ценностям народной Правды. Власть в этих условиях вела скорее оборонительную, чем наступательную политику. В обоих полупериодах основная линия развития страны не выступала в явном виде из-за существования промежуточных вялых инверсий...

Сходство между двумя модифицированными циклами можно признать значительным, доходящим подчас до второстепенных деталей. В сущности, второй (модифицированный) инверсионный цикл стал новым этапом, проявлением этого противоборства двух типов цивилизации, ведущих борьбу в рамках единого тела России...

Само совпадение последовательности смены этапов, смены нравственных идеалов — свидетельство всеобъемлющей власти над советским обществом, как и над ему предшествующим, сил исторической инерции. В этом смысле советское общество, окутанное густым туманом мифологии, из-

влекло крайне ограниченные уроки из прошлого России. Оно не смогло пока выйти из-под власти древней необходимости, преодолеть ее творческими усилиями миллионов. Власть сил исторической инерции над обществом говорит о том, что псевдосинкретизм в своих скитаниях заключен в определенные рамки, т. е. существует вполне определенное конечное количество его вариантов, которые могут в России занять господствующее положение. Эта конечность есть неизбежный результат циклического развития мозаичного идеала»³.

Теперь (написано в 1992 году) к этому обобщению можно добавить, что наше общество прошло также шестой и седьмой этапы, так что окончился второй модифицированный инверсионный цикл. История не остановилась на этом, перенося с собой старые проблемы и выдвигая новые. Прошедшие циклы позволяют сформулировать некоторые обобщающие идеи, в частности касающиеся специфики второго периода. В истории России в ответ на нарушения уравнительности не происходило, как, например, в истории Китая, победоносных крестьянских восстаний, которые восстанавливали архаичную государственность на основе уравнительности. Можно сказать, что в России имела место задержка в разгроме государства, переставшего охранять уравнительность. Это произошло в 1917 году, но в существенно особых условиях, т. е. тогда, когда в обществе уже распространился массовый утилитаризм. Умеренный утилитаризм также получил определенное распространение. Где-то на шестом этапе появилось ходячее выражение, невозможное для традиционализма: «Это ваши заботы», резко отделяющее, противопоставляющее интересы и ценности разных суверенных личностей. В результате роста возмущения против нарушения уравнительности возникла система, не предвиденная ни одной из участвующих в перевороте социальных сил. Это было общество промежуточной цивилизации, возникшей в результате глубокого раскола. Слабость этого общества заключалась в том, что оно не имело под собой прочного культурного основания. («Кто ваши учителя? Любой от вас шарахнется»,— говорит один из героев Ю. Домбровского⁴.)

Промежуточность этого общества заключалась не только в том, что оно было переходным между двумя типами суперцивилизации, но и в том, что оно постоянно пыталось приспособиться к этой промежуточности, создавая патологические формы отношений, закреплявшие эту промежуточность. Древний

³ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 319-320, 342, 320.

⁴ Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей.

синкретизм разрушал государственность, а культура, связанная с ростом и развитием, имела слабую одностороннюю поддержку. Общество оказалось без ориентиров, без достаточной способности понять себя, собственные слабости, нащупать свою ограниченность, свою изнанку. Это делало сложившуюся систему не только уязвимой для критики со всех сторон, но и чем-то противоестественным в глазах собственных сторонников. Последние утешались тем, что ее минусы — временное явление, болезнь роста. Новая система возникла как реакция на разнообразие, на диалог, как взрыв против «кадетов» и власти, которая была неспособна подавить либерализм. Отсюда стремление нового общества *создать иллюзию абсолютного единства, воплотить единую и единственную Правду, не знающую либерального плюрализма.*

Подавление разнообразия привело к иной, не менее грозной опасности. Разрушение наиболее творческих форм деятельности в культуре, в экономике, в политической жизни, снижение их до повсеместного торжества серого творчества лишило общество разума, красоты, веры, духовной силы. Тем самым общество снижало способность принимать удовлетворительные решения, лишало себя возможности ориентироваться во все более сложном мире. Между тем сами задачи, которые необходимо было решать, делались с каждым днем все более трудными. Положение России как застрявшего общества между двумя основными суперцивилизациями оказалось крайне опасным, так как оно привело к таким сочетаниям элементов мозаики псевдосинкретизма, которые могли оказаться неспособными обеспечить минимальный уровень самопознания, понимания мира и своего места в нем, а следовательно, неспособности обеспечить основу для борьбы со стихийными разрушительными процессами.

Переворот 1917 года не разрешил главной проблемы — он не ликвидировал раскол, не уничтожил разрыв между локальными ценностями и государственностью, между архаической волей и деспотической властью. Сверху Россию стремились заморозить, превратить в холодильник, а снизу — превратить в костер⁵. Анализируя поэму «Медный всадник» Пушкина, Г. П. Федотов писал, что персонаж этого произведения обыватель Евгений — несчастная жертва борьбы двух начал русской жизни. Он гибнет под копытами коня империи или в волнах революции. Называя всадника «кумиром», поэт подчеркивал языческую природу государства⁶.

⁵ Федотов Г. П. Русский человек// Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

⁶ Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 249

Двойственность нравственных начал государственности обусловила слабую способность воспроизводить целостное общество, преодолевать несовместимость общих и локальных интересов, неспособность обеспечить достаточный уровень взаимопроникновения расколотых частей, соединить в гармоничное целое разные этажи социальной иерархии, город и деревню и т. д. Расколотое общество не могло преодолеть постоянное саморазрушение культуры и социальной организации, губительное противоречие между необходимостью решать лавины все более сложных задач, развивать высшие этажи культуры и страхом перед результатами этой деятельности, перед диалогом, разномыслием, подрывающими псевдосинкретизм.

Поворот привел к удивительному компромиссу между двумя исключаящими друг друга, одинаково губительными стремлениями — к разрушительной воле и удушающей сверхцентрализации. Этот компромисс был подвержен колебаниям, которые были важнейшим содержательным элементом истории страны. А. Янов показал, что циклы истории России связаны с *периодическим следованием контрреформ вслед за реформами*⁷. Цикличность свойственна не только российской истории. Определенные циклы можно проследить, например, и в истории Китая. В циклах китайской истории можно выявить повторение четырех последовательных этапов: утверждение центральной власти в борьбе против децентрализации; кризис власти и отступление под напором частнособственнических сил; упадок центральной власти; и наконец, социальная катастрофа, связанная со вторжением иноземцев и крестьянскими восстаниями. Фактически эти циклы были проявлением стремления общества стабилизировать свою социально-политическую структуру в ответ на натиск разрушительных внутренних процессов. В Китае эти циклы являлись результатом более или менее нормально функционирующего механизма, восстанавливающего уравнительную систему и защищающего государственность.

В России раскол препятствовал периодическому обновлению общества и государства на основе древних уравнительных идеалов. В результате сохранялись противоборствующие традиционализму силы, т. е. силы роста и развития, которые и модифицировали инверсионные переходы. Поэтому инверсия не могла вернуть в исходное положение общество. Впрочем, следует отметить, что полного возврата в исходную точку не было и в Китае. Существование циклов связано с тем, что господствующая сила в обществе, отступая под враждебным

⁷ Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.

натиском, под давлением неблагоприятных условий, не гибнет окончательно, но получает в своем поражении импульс для перегруппировки сил, для возрождения, для победы. Этим объясняется сложность цикла. Однако эта господствующая сила может не выдержать вторичного натиска враждебных сил, которые способны после своего поражения длительное время накапливать ресурсы. Подобную модель можно обнаружить в истории падения Рима. В средневековой Европе в результате ряда причин в XIV веке сеньории пришли в упадок. Но в середине XV века они одержали решающую победу в Италии, Англии, Испании. Однако за этой победой последовало их окончательное поражение. В России циклизм проявляется в том, что любое решение медиационной проблемы, любая нравственная основа для интеграции общества, любая организация этого единства относительно скоро приходили к своему банкротству.

Этот процесс давно обращал на себя внимание исследователей. Например, согласно марксизму, рост производительных сил постепенно вступает в конфликт с производственными отношениями, что требует создания новых отношений. А. Тойнби полагал, что цивилизации могут терять «жизненный порыв», своеобразную божественную санкцию (нечто вроде «богооставленности» по Бердяеву), что является результатом фундаментального несовершенства человека, не способного должным образом откликнуться на вызов истории. В результате наступает дезинтеграция общества, упадок цивилизации.

В разных комбинациях в этих доктринах улавливается важная мысль, что *судьбы цивилизаций решаются не внешним случайным сцеплением событий, произволом лиц, а на сущностном уровне, на уровне движущих сил исторического процесса. Эти движущие силы следует искать в повседневной деятельности миллионов, в их творческой способности развивать свои формы деятельности до уровня задач строительства государства, постоянного его воссоздания, в непрерывной, ни на миг не прекращающейся деятельности, созидающей и разрушающей организационные связи, в шепоте миллионов, созидающих и разрушающих нравственные ценности — основу интеграции общества, в развитии массовой творческой рефлексии.*

Движение, создаваемое этими силами, — воплощение стремления миллионов к утверждению своих ценностей. Но эти ценности сами носили двойственный и внутренне противоречивый характер. Поэтому любой вариант решения медиационной проблемы неизбежно в условиях раскола саморазрушался. Промежуточное положение стало перманентной трагедией. Жизнь уходила из любого идеала, ставшего господствующим.

Двойственность делала общество крайне неустойчивым, заставляло постоянно стремиться к каким-то новым формам жизни, которые всегда искались народом через инверсию, т. е. позади, в возврате к прошлому.

Постоянный уход жизненных сил из сложившихся форм организации создал уникальную ситуацию, когда государственность, вся общественная жизнь постоянно пребывали как будто не в своем доме, как нечто гонимое и бесприютное. Псевдосинкретизм всегда неизменен, но вместе с тем он постоянно дрейфует под влиянием скрытых сил. Он постоянно ищет себя, ищет спокойной идеальной формы, но, найдя, тут же ее теряет. Псевдосинкретизм — это Агасфер, который мог бы сказать о себе: «Темен мой день, бесконечен мой путь, и нет в мире дерева, чей шатер приютил бы страдальца». Если сравнивать историю страны с пружиной, каждый виток которой принять за особый специфический этап, за особую форму идеала, то кризисом 1917 года она была сжата в одну плоскость, иначе говоря, историческая последовательность системы идеалов не была уничтожена, но была загнана в подполье, в глубины сознания и подсознания. Идеалы эти оказались скрытой культурной подпочвой господствующего идеала.

Постоянные потрясения, острые противоречия системы привели в движение сжатую пружину, и последовательно начала появляться вся скрытая программа смены господствующих идеалов. Это повторение, как и повторение циклов в Китае, объяснялось тем, что принципиально не изменился характер движущих сил истории каждой из этих стран. В России это был постоянный конфликт между двумя типами ценностей, двумя типами социальных изменений. Сохранялось господство инверсионного типа социальных изменений. Но одновременно сохранялось и усиливалось стремление к прогрессу, к модернизации, что и модифицировало до неузнаваемости инверсионный цикл.

Цикличность исторического процесса, а также рост утилитаризма, существование элементов прогресса в совокупности порождали сложный результат, который постоянно опровергал любую предзаданную точку зрения на пути России, на ее самобытность. Невольно вспоминаются слова поэта: «Умом Россию не понять...» (1866)⁸. Часть историков, например, Н. Карамзин, пытались-таки понять историю с точки зрения развития самодержавия, игнорируя соборные институты. Славянофилы, раскрыв негосударственный характер массового сознания в стране, подошли к сути раскола, но они с поразитель-

⁸ Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х томах. М., 1980. Т. 1 С. 183.

тельным простодушием проглядели его глубокую опасность. Западники пытались рассмотреть историю страны через призму западного опыта. Эта тенденция углублялась в либеральном движении. Но Запад не знал раскола, и это мешало пониманию сути происходивших в стране событий, специфики культуры. На этой основе разрабатывался облегченный маниловский взгляд на развитие России, где история — сплошная цепь ошибок, упущений, преступлений правящего слоя, первого лица. И все ими наделанное легко исправить, если заметить плохую власть хорошей, антитотема-оборотня истинным тотемом.

Большевизм осуществил мощную практическую попытку преодолеть раскол, интерпретируя его в неадекватных представлениях классовой борьбы, манихейской борьбы космических сил. Новая власть пыталась найти синтез, обеспечить «морально-политическое единство народа», соединить традиционную уравнивательность с модернизацией, возглавив массовое избиение «носителей зла», и одновременно их использовать для вынесения сложных решений. Это движение переоценило значимость капиталистического элемента и пыталось формировать идеальное общество на основе соединения народной Правды с наукой, опирающейся на западную технику. Большевизм, как и славянофильство и западничество, инстинктивно пытался найти общее основание для преодоления раскола. Славянофилы и западники пытались решить эту проблему на основе абсолютизации одного из элементов русской культуры, связанного либо с традиционной, либо с либеральной суперцивилизацией. Большевизм пошел другим путем. Он встал на путь утилитаризма, эклектического комбинирования того и другого, не пренебрегая массовым избиением всего, что не включалось, не влезало в эти комбинации. Избиению подвергались и традиционное крестьянство, и сторонники либерализма, и приверженцы утилитаризма, и сама правящая элита, если она оказывалась недостаточно утилитарно-гибкой при очередном инверсионном повороте.

Крах этой политики в конце второго глобального периода означал нечто большее, чем поражение одного из многих политических движений, которое фактически уже само признало крушение своих идеалов и своей практики. Налицо очередное трагическое поражение попытки общества преодолеть раскол. Эта попытка была обречена уже тем, что общество пыталось стать лишь одной ногой в либеральной цивилизации, оставаясь другой ногой в традиционной. Поэтому оно вынуждено было имитировать интенсивное развитие экстенсивными методами, истребляя очаги прогресса, собственное разнообразие, всякую

живую мысль в большом и малом. Поэтому оно встречало все более мощные вызовы истории в условиях одновременного возрастания оскудения способности разрешать эти все более сложные проблемы своего воспроизводства. Оно пыталось жить за счет перераспределения доставшихся в наследство ресурсов, за счет экспроприации всех, кто возвышался над средним уровнем, за счет крестьянства, за счет военных трофеев, за счет продажи естественных ресурсов, за счет будущих поколений, за счет иностранной помощи. Истощив все доступные ресурсы, общество нашло в себе силы не упорствовать в своих заблуждениях, но вопрос заключается в том, не заменит ли оно старые утопии новыми, найдет ли оно в себе силы для своего пути, не попадая под власть множества новых иллюзий, новых, а вернее, старых форм прожектерства.

Следует отметить, что западная наука не показала своей способности найти методологическую позицию, которая позволила бы дать убедительный прогноз развития России. Об этом свидетельствуют, например, западные оценки советского строя с 1917 года, преобладающее рассмотрение правления Л. Брежнева как долго ожидаемой стабилизации общества.

Постоянный поиск объяснения сложного исторического процесса — естественное движение человеческой мысли, которая склонна в своем историческом развитии двигаться, периодически обращаясь к крайним вариантам и отвергая их. Эта специфика мышления постоянно толкает к поиску крайностей, к полюсам дуальных оппозиций «Восток — Запад», «„Мы" — „Они"» и т. д. В конечном итоге они превратились в оппозицию «социализм — капитализм».

Все эти противопоставления при анализе истории имели тенденцию принимать абсолютный, манихейский характер, что лишало их научной ценности, закрывало путь к пониманию сложного противоречивого развития страны, к поиску меры взаимопроникновения между полюсами систем оппозиций. *История страны представляет собой сложный конфликтный циклический процесс, который одновременно включает прогрессивное развитие.* Это с полной определенностью выявилось уже в первом глобальном периоде. Во втором периоде общество создало систему власти, которая пыталась освоить эти процессы, но не теоретически, а лишь на эмпирическом уровне. Теоретический разум даже не приблизился к пониманию этой сложной социокультурной реальности, она осваивалась посредством утилитаризма. Анализ этого сложного процесса требует особой методологии, отличной от методов традиционной исторической науки, необходимо направить главное внимание исследователя на движущие силы социальных изме-

нений, социокультурной динамики. Их следует искать в постоянно возникающих социокультурных противоречиях, т. е. в противоречиях между массовыми ценностями и сложившимися отношениями, в способности человека их преодолевать, следовать социокультурному закону. В центр внимания, следовательно, становится человек как субъект, его нарабатанная культурная способность преодолевать эти противоречия в своей рефлексивной воспроизводственной деятельности, преодолевать свою историческую ограниченность, повышать уровень и масштабы творческого потенциала. Для историка, социолога, реформатора на первый план выходит задача поиска реального субъекта, его способностей и возможностей при рассмотрении любого реального, предполагаемого, прогнозируемого социально-культурного изменения.

Рост способности субъекта к рефлексии, связанной с накоплением исторического опыта, однако, может вызвать рост стрессового дискомфортного состояния, так как толкает к осознанию необходимости коренного изменения воспроизводственной деятельности. Это может привести к антимадиации, к попыткам ее разрушить. Люди периодически ищут выход из исторически сложившихся противоречий, сменяя один крайний вариант интерпретации исторического опыта другим, и это происходит не только в логике мысли, но и в логике действия.

Поиск альтернативы требует изучения механизма, который может привести к преодолению циклического развития, к возможности преодолеть инверсионные силы.

Социокультурные противоречия, которые лежат в основе понимания механизма раскола, должны рассматриваться не только как противоречия между воспроизводством культуры и воспроизводством социальных отношений, но и как противоречия самой культуры. Именно такие противоречия сложились в самой структуре культуры России, определяя хромающий характер решений. Раскол внедряется в каждую клеточку российской культуры, усиливая таким образом ее дезорганизацию, а через нее — и дезорганизацию воспроизводственной деятельности, рост социальной энтропии. По сути дела, здесь *налицо социокультурная патология, которая требует диагноза и лечения.* Внимание должен привлечь прежде всего раскол как предпосылка дезорганизации культуры на микро- и макроуровне.

Причины кризиса достаточно глубоки: исторически сложившаяся массовая культура оказалась плохо приспособленной к миру в той его форме, какую он приобрел с давних времен, и особенно в новое время. Очевидно, что изменения, которые имели место в мире, оказались неблагоприятными для массо-

вой русской культуры и, следовательно, для всей воспроизводственной деятельности. Эти изменения охватили не только Запад, но и Восток. Все попытки изоляции, которые не удалось даже маленькой Албании, были бесплодны и лишь снижали потенциал жизнеспособности. Одна часть общества попыталась перестроиться и перестроить общество, тогда как другая противостояла этим изменениям, активизируя свои ценности под нарастающим внешним давлением. Насильственная модернизация, проводившаяся правящей элитой, привела лишь к активизации древних ценностей, что особенно явно выявилось при Петре I, все элементы модернизации превратились в сознании большинства общества в воплощение зла. Новые ценности не повели за собой большинство народа, но, наоборот, стали импульсом для усиления влияния противоположных ценностей. Сложился заколдованный круг. Возникла негативная ситуация: позитивные ценности власти рассматривались народом как негативные, и, наоборот, позитивные ценности народа рассматривались властью как негативные. Раскол между народом и властью приобрел логически завершенную форму.

Социальные сообщества изменяются по иным законам, нежели биологические. Культура никогда не остается неизменной, и механизм этого процесса включает в себя рефлексию, т. е. способность каждой личности, всего народа делать культуру, собственную деятельность, противоречие между ними предметом собственной деятельности. Это открывает путь творческому процессу самоизменения народа: культурного, социального, политического и т. д. Следовательно, спор о судьбе общества и народа как о чем-то заданном извне должен перемещаться в сферу способности самоизменения, роста ответственности за собственную судьбу в постоянно меняющемся мире, во все более сложных условиях.

Мы создали общество «низшего класса», где преобладало стремление решать сложные проблемы на максимально низком уровне, обращаясь к архаичному культурному богатству. В основе таких решений лежало пресловутое «авось». Результатом наших решений была прогрессирующая дистрофия всех хозяйственных, культурных, нравственных процессов, нашей природы и здоровья. Мы с энтузиазмом шли к катастрофе, постоянно истощая себя никогда не прекращающимся «тушением пожаров», пока не подорвали в себе способность их предотвращать. Разумеется, были люди, которые пытались что-то сказать, но мы не хотели их слушать, разрушать свои комфортные иллюзии и преодолевать свои фобии, создавая собственным равнодушием и страхом атмосферу перманентной

борьбы с «кулачеством» во всех сферах жизни. *Неспособность найти выход из тупика — расплата за ту бешеную борьбу во имя уравнительности не только в доходах, труде, но и в мысли. Именно поэтому страна встретила критическую ситуацию конца второго, как, впрочем, и первого, глобального периода недостаточным для преодоления раскола культурным потенциалом.*

НОВЕЙШИЙ ОПЫТ ИСТОРИИ РОССИИ

Примерно годичный опыт истории России с момента предположительного вступления в третий глобальный период, что практически совпадает с годом с момента выхода первого издания книги, позволяет привлечь новый опыт для возможных обобщений. Он позволяет углубить гипотезу, что не только этапы, но и периоды могут находиться друг по отношению к другу в состоянии инверсии. Эта гипотеза опирается на факт возведения в третьем периоде раздавленного в прошлом либерализма в господствующую ценностную систему страны. Опыт 1991 года позволяет сделать вывод, что циклическая динамика остается господствующей формой изменений. Однако господство либерализма в начале третьего периода накладывает свой отпечаток на содержание этого процесса. Общество на новом этапе в новом периоде, очевидно, продолжает нести всю тяжесть раскола и не повысило в должной степени свою способность решать проблемы на уровне сложности расколотого общества. Об этом свидетельствует катастрофическая неспособность воспроизводить и распределять необходимый минимум ресурсов с точки зрения достигнутых обществом потребностей. Сохранился инверсионно-катастрофический путь решения проблем. Сохранилось также господство иллюзорных представлений общества о самом себе, битва мифов как форма столкновений различных групп. Теперь, однако, содержание этих представлений носит абстрактно-либеральный характер. Сделана попытка, значение которой нельзя недооценивать, — преодолеть манихейскую идеологию. Это свидетельство глубоких сдвигов в массовых настроениях, усталости от манихейской непримиримости.

Новый опыт позволяет сделать новые обобщения, найти новые смыслы в прошедшей истории. Четвертая катастрофа, связанная с исчезновением СССР, дает дополнительный материал для гипотезы, что *все четыре имевшие место в истории страны, катастрофы органически связаны с крутыми сдвигами в уровне товарно-денежных отношений.* После первой катастрофы, происшедшей в результате гибели Киевской Руси

еще до ее покорения Батыем, развитое меновое хозяйство сменяется натуральным⁹. Московское государство, в противоположность Киевской Руси, развивалось на чисто натуральной основе, что было шагом назад от европейского пути, ведшего к либеральной цивилизации. Катастрофе Смутного времени начала XVII века предшествовал перевод натуральных повинностей в денежные, что означало усиление давления государства в пользу развития товарно-денежных отношений¹⁰. М. Н. Покровский прямо связывал этот процесс с последующей Смутой. Третья катастрофа, начавшаяся в феврале 1917 года, имела место после самого значительного развития рынка в России — с конца XIX века до 1914 года. После реформы 1861 года денежные платежи крестьянских хозяйств возросли не менее чем вдвое. Вести помещичье хозяйство без крепостных крестьян, т. е. оплачивая труд, стало вообще невыгодно¹¹. Напор товарно-денежных отношений вызвал бурный рост уравнительности, приведшей к неслыханной в истории натурализации не только сельского хозяйства, но и промышленности. Наконец, катастрофа, приведшая к краху советской государственности и распаду СССР, разразилась на волне попыток экономических реформ, развития рыночных отношений. *Следовательно, катастрофы во всех случаях могут рассматриваться как та или иная степень реакции общества на сдвиги в товарно-денежных отношениях, как попытка приспособления к новым условиям.* Необходим анализ влияния товарно-денежных отношений на социокультурную динамику России, о чем мало задумывались реформаторы на разных этапах нашей истории.

Необходимо искать свой путь общественного развития. Этот путь, как полагают некоторые, «можно эффективно пройти „по-восточному“, за счет принципиальной модернизации самой корпоративности и скачка в фазу, где именно „корпорация“, а не атомизированный индивид выступает субъектом вещных, товарных связей». Об этом говорит опыт Японии, Южной Кореи, некоторых стран Юго-Восточной Азии¹². Такие возможности должны тщательно изучаться. Тем не менее уникальный исторический опыт России свидетельствует, что развитие утилитаризма в стране пошло по пути индивидуализма,

⁹ Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Т. 2. С. 9.

¹⁰ См.: Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 234, 263, 264.

¹¹ См.: Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 136, 138.

¹² Кара-Мурза А. А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность?// Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 77.

разрушения соборности, коллективизма. Поражение России при попытках решения современных проблем должно стать стимулом для того, чтобы общество собралось с силами, сделало выводы из прошлого, переосмыслило свое настоящее, вышло на новые горизонты будущего. Есть выводы, которые необходимы сейчас, сию минуту. Сегодня Россия не смогла удержаться в статусе супердержавы. Отсюда вытекает необходимость психологической перестройки, перехода на значительно более низкий уровень претензий (в частности, имперских) во многих областях жизни. В этом есть опасность усиления равнодушия к жизни, пассивности, нового упования на внешние силы. Реальный выход один — постоянный поиск меры, поиск соответствия потребностей реальным возможностям, способностям, реальной динамике взаимопроникновения способностей и возможностей, поиск путей развития этих способностей.

Историческое значение опыта России в том, что в ней как в фокусе мировых проблем трагически отразился переход к либеральной суперцивилизации, который для иных стран и народов прошел по российским меркам безболезненно. *Человечество переломилось надвое в теле и духе России. Россия может быть по своей сути мостом между народами, но может быть и пороховым погребом, который находится в слабом месте мирового сообщества.* Отсюда необходимость возрастающего внимания к проблемам России, которые, по сути, затрагивают весь мир.

В 1979 году я писал: *«Переход к промежуточной цивилизации новых стран и народов с разнообразными культурами может усилить опасность локальных взрывов, возникновения бесчеловечных и агрессивных режимов, губительного манихейского раскола внутри народа и между народами.*

Не следует забывать, что с точки зрения всей человеческой истории либеральные ценности — тонкая пленка на толще традиционализма. Поэтому серьезные непорядки в самой либеральной цивилизации, даже в ее твердых могут привести к активизации древних ценностей. Существование левых экстремистских групп — доказательство того, что традиционализм не сложил оружия в борьбе с либерализмом. Возможно, впрочем, что именно стремление использовать крайние террористические методы — свидетельство агонии теряющего остатки почвы политически активного традиционализма в странах развитого либерализма.

Люди Земли должны перейти от больших обществ к сверхбольшому, к обществу всего человечества, либо оно рискует погибнуть в мировой катастрофе, вызванной взаимным

страхом, неспособностью видеть людей в тех, кто живет и думает по-другому.

Существуют спонтанные процессы, ведущие к интеграции единого человечества. Это прежде всего духовные и экономические связи, рост контактов и обмен ценностями. Но эти же процессы в моменты стресса могут вызвать эффект бумеранга, т. е. судорожную дезинтеграцию, активизацию древних, разрушительных для современного общества ценностей. Отсюда как никогда выросшая опасность катастрофических событий в результате слепых сил исторической инерции, необходимость активного поиска новой, более глубокой исторической необходимости в масштабе человечества. Большинство культур человечества содержат для этого предпосылки.

Интеграция мира возможна лишь в процессе выработки более высокой культуры, которая создаст основу для роста внутренней интеграции при росте разнообразия, культуры, способной избежать дезинтеграции в результате роста разнообразия и унификации. Эта культура не может быть результатом единовременного изобретения гения. Она может быть выработана в диалоге народов, в диалоге разных культур, в процессе совместной выработки общих ценностей.

Положительный результат может быть достигнут лишь в самоуглублении каждой из культур, в процессе преодоления внутренней ограниченности каждой из них без исключения. Все культуры должны внести вклад в этот творческий процесс. Например, в западной культуре существуют важнейшие ценности, без которых невозможна интеграция человечества. В ней выработано представление о творческой личности, способной саморазвиваться, самоуглубляться, создавать ассоциации, перестраивать социальные отношения. Одновременно на Западе возникла идея прогресса, было понято существование законов социального развития, которые являются законами развития самого человека, идеи диалога и плюрализма.

В этой выработке высшей культуры важное место занимает Восток, где была открыта система преобразования индивидуального сознания, без чего невозможна переориентация человечества на новые ценности.

Русской культуре есть что внести в этот диалог народов. Это прежде всего идея мирового всеединства. Великий мыслитель России В. Соловьев искал силы, стремящиеся собрать хаос в единство, организационно и духовно объединить человечество на основе диалектического саморазвития истории. Идея единства разделенного постоянно мучит русскую куль-

туру. Еще преподобный Сергей Радонежский воплотил в соборе Пресвятой Троицы символ борьбы с ненавистью разделенного мира, призыв к единству. Поэт Вячеслав Иванов высказал глубокую мысль, что основная причина раздробленности мира заключается не столько в драматическом взаимоотталкивании ненавистного, сколько в трагедии противоречивой, убийственной расправы сопряженного, друг друга восполняющего. Н. Бердяев писал: „Человек должен принять на себя ответственность не только за свою судьбу и судьбу своего народа, человечества и мира“. „Самая большая религиозная и нравственная истина, до которой должен дорасти человек, это — что нельзя спастись индивидуально. Мое спасение предполагает и спасение других, моих близких, всеобщее спасение, спасение всего мира, преображение мира“. Он говорил о необходимости постигнуть человеческую историю как „до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу... Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, — все есть моя историческая судьба, все есть мое"¹³. Ответственность личности за весь мир и всего мира за личность — вот путь к интеграции человечества.

В стране продолжается работа, углубляющая ценности культуры. Идет скрытая борьба между манихейской идеей классовой борьбы, раскалывающей мир, рассматривающей даже общий интерес, цельность как результат победы одной формы локальности, одного класса над другим, и идеей тотальности, где преобладает ценность целого. Первая линия является дальнейшим развитием, модификацией древнего синкретизма, языческой веры в извечную борьбу космических сил. Вторая ведет свое происхождение от высшей русской и европейской культуры, противостоящей попыткам понять мир на основе низших, локальных форм культуры. Она формирует новые, все более глубокие подходы к пониманию цельности мира, ищет пути преодоления его расколотости, антиномичности, противоречий. Эта линия идет, в частности, от Достоевского. В своей скрытой полемике с Кантом он искал пути нахождения преодоления дуализма. У старца Зосимы („Братья Карамазовы“) дуализм преодолен. У него „мир потусторонний и мир посюсторонний не делимы: они соприкасаются, объединены, один переходит в другой, горе снова сменяется радостью"¹⁴. Элитарная мысль России продолжает работать в этом направлении, формируя сре-

¹³ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 15.

¹⁴ Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М., 1963. С. 83.

данную культуру»¹⁵. Все эти разные пути и формы истины могут развиваться, лишь взаимопроникаясь друг другом, вступая в диалог. Этот духовно взаимообогащающий процесс является по своей сути одновременно поиском пути воспроизводства мира, преодоления опасностей катастроф, ростом способностей человека.

Будущее — результат не внешнего влияния, но массового творческого процесса, идущего из глубин народной почвы, который включает непрерывный диалог с иными народами и цивилизациями, с собственной духовной элитой. Это будущее строится сегодня обществом не только в сфере духа, но и через способность каждого из нас делать предметом диалога критику нашей истории. Ценность этой критики определяется нашей способностью обеспечить ее единство с формированием мира, несущего в себе условия, средства и цели, открывающие жизнеутверждающий путь России, всему человечеству.

Исторический опыт России является одновременно особым опытом мировой истории, который должен быть осмыслен как важнейший элемент культурного богатства человечества. Этот опыт показывает, что идея замкнутых цивилизаций потеряла всякий реальный смысл, если она вообще его имела когда-либо. По сути дела, каждая культура — лишь особый фокус мировой культуры, где на первый план выдвигается некоторое особое сочетание ее элементов, обобщается особый специфический опыт мировой истории. Каждая культура существует лишь в процессе взаимопроникновения, постоянного диалога с человечеством, диалога специфических культур. Опыт истории России показывает, что это взаимопроникновение культур приобретает особую остроту в процессе перехода от традиционной суперцивилизации к либеральной.

РЕФЛЕКСИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ

Опыт истории России показывает, что общество потерпело сокрушительное поражение на дорогах истории, что оно, повернув на путь модернизации, утилитаризма, на путь освоения ценностей либеральной цивилизации, ценностей повышения эффективности воспроизводственной деятельности, углубления рефлексии, оказалось отброшенным вспять. Это поражение выразилось прежде всего в том, что Россия, пытаясь преодолеть господство ценностей традиционализма, не сумела, как это произошло в некоторых других странах, со-

¹⁵ См.: Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 375-378.

единить это стремление со своей самобытностью. Общество оказалось уязвимым в самом главном пункте — в наращивании своей способности решать свои все более сложные проблемы, отвечать на вызов истории опережающим самосовершенствованием своих творческих возможностей, преодолевать противоречия между социальными отношениями и культурой. Пытаться решить вопрос о причинах этого явления можно на разных уровнях абстракции. Можно обвинять политиков в явных ошибках, указывать на общий упадок трудовой этики, на огромные затраты на подготовку к войне и т. д. Все это правильно, но недостаточно. Очевидно, должен быть какой-то наиболее общий ответ, сформулированный на категориальном уровне, который может показаться слишком абстрактным, но который, тем не менее, должен выявить глубинные процессы цивилизационного уровня, затрагивающего сами основы массовой деятельности. На этом уровне рассмотрения такой общий ответ не заменяет возможности других ответов, непосредственно затрагивающих более конкретные процессы, но создает для всех других ответов некоторую общеметодологическую базу. Этот категориальный ответ должен затрагивать основополагающие характеристики человека, т. е. касаться уровня его массовой творческой рефлексии, ее соотношения со сложностью проблем.

Рефлексия есть центральное, основополагающее определение человека, фундаментально отличающее его от животного. Учение о рефлексии развивалось в истории философии прежде всего как учение о способности самопознания, превращения субъектом самого себя в свой собственный объект. Однако такое понимание субъекта в эпоху бурных изменений следует рассматривать как недостаточное. Рефлексия есть способность субъекта к самоизменению, саморазвитию, к собственному воспроизводству и практической самокритике. *Рефлексия есть способность субъекта воспроизводить себя в постоянно усложняющихся условиях, что требует, в конечном итоге, постоянного самосовершенствования, совершенствования средств и целей, развития культуры и социальных отношений.* Рефлексия есть воспроизводственная категория, фиксирующая глубину, масштабы способности общества, сообщества, личности делать свои социальные отношения, свою культуру, соотношение между ними, их взаимопроникновение, отношение личности и общества своим собственным предметом. Предметом рефлексии является воспроизводство, совершенствование, развитие общества, сообщества, личности. Рефлексия по самой своей сути несет в себе способность кумулятивного развития, постоянного превращения достигнутого уровня ре-

флексии в предмет более высокого уровня рефлексии. Рефлексия определяется как творческий процесс. Она есть центральное определение человека, субстанциальная характеристика жизни общества. Рефлексия всегда есть творчество, она всегда возможна не как внешнее взаимодействие субъекта и объекта, не как конфликт двух монологов, но как постоянное взаимопроникновение противоположностей, одного полюса другим, постоянное превращение противоположности в содержание сознания и деятельности субъекта, в предмет постоянной интерпретации.

Проблема заключается в том, что глубина и масштабы рефлексии постоянно изменяются. В любой момент времени рефлексия может быть существенно различна в разных культурах. Культуры могут быть классифицированы по уровню рефлексии. Один полюс культуры соответствует возведению рефлексии в высшую ценность. На другом полюсе высшей ценностью является способность сохранить без изменения культуру, социальные отношения, собственную деятельность. Каждая конкретная (суб)культура находит свою меру между этими оппозициями.

Разнообразие культур велико. Оно включает и такие культуры, где развитая рефлексия жестко замкнута в сфере совершенствования личности лишь в рамках исторически сложившихся отношений.

Возможны общества, где уровень рефлексии с определенного момента перестает достигать необходимого минимума, что снижает эффективность воспроизводства вплоть до деструктивного уровня. Предотвращение этой опасности требует концентрации внимания на механизмах развития массовой рефлексии, на способности ответственно совершенствовать себя, все общество. Чем сложнее общество, тем сложнее должен быть механизм рефлексии. Он включает способность народа формировать духовную элиту, а также слой интеллигенции, социальная функция которой заключается в развитии рефлексии. Отставание воспроизводственной рефлексии от сложности подлежащих разрешению проблем может привести к росту дезорганизации общества, к отставанию всеобщего основания для разработки сложных решений, необходимых как ответ на вызов истории.

В России исторически сложились неблагоприятные условия для этого процесса: обширность пространства и ресурсов стимулировала экстенсивные методы воспроизводства, стремление сводить богатство к материальным ресурсам, которые можно получать путем простого приращения пространства и ресурсов. Опыт истории свидетельствует, что истинное богатство не то,

что находится в земле, но то, которое может быть воспроизведено в процессе деятельности людей. *Именно рефлексивная способность повышать умение, квалификацию, эффективность воспроизводственной деятельности и есть, если угодно, единственное богатство человечества, так как все остальное можно иметь, удерживать, использовать и т. д. только лишь на основе рефлексивной воспроизводственной способности субъекта.*

В этом смысле Россия пришла в современный мир как страна бедная. Мы «на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в 19 и 20 веках»¹⁶. Но при этом Россия была заморожена своим естественным богатством, своими безграничными просторами, своими победами над внешними врагами. Между тем достаточно опыта Японии с ее бедными природными ресурсами, чтобы понять, что именно способность к самосовершенствованию — определяющая для общества и человека.

Механизм рефлексии включает способность человека так изменяться, чтобы превращать свои потребности в воспроизводственные действия, проникаясь наиболее эффективными средствами. Слабость рефлексии может проявляться в том, что при этом не происходит в должных масштабах превращения потребности в вещи, благах в соответствующего уровня воспроизводство, формы труда, в создание и использование соответствующих средств. Это приводит к попыткам решать проблемы за счет экстенсивных методов. В условиях ограниченности ресурсов при этом усиливается раскол, возникают междоусобицы на разных уровнях общества. По сути дела, формирование советского общественного и идеологического строя во втором периоде российской истории было попыткой общества приспособиться к расколу почвы, к превращению экстенсивных методов воспроизводства ресурсов в борьбу держателей ресурсов между собой, прежде всего в деревне, к преодолению этой ситуации посредством доведения борьбы до логического конца, до крайности, посредством подавления, истребления части общества (т. е. богатых, всех, кого можно было подозревать в нарушении уравнительности, всех носителей опасных инноваций). Эта попытка завершилась крахом, так как интенсификация воспроизводства ресурсов происходила в формах псевдо, т. е. оставалась в рамках исторического опыта простого воспроизводства на основе уравнительных ценностей. Сегодня общество вновь стоит перед проблемой повышения эффективности воспроизводства, но без соответствующей

¹⁶ Сорокин П. А. Современное состояние России// Новый мир. 1992. №5. С. 161.

щего углубления массовой рефлексии решение этой проблемы невозможно.

Слабость рефлексии проявляется в неэффективности сложных решений, значимо затрагивающих динамику общества, т. е. прежде всего в неэффективности реформ, различного рода революционных перестроек, восстаний и забастовок как инструментов улучшения общества. Они не приводят к решению проблем путем проработки частей и целого, путем решений, охватывающих это целое, создающих для общества новое, более глубокое всеобщее культурное основание, но сводятся к разрушительным шараханьям от одной частицы истины к другой, от одного разрушительного прожекта (например, большевистского) к другому (например, абстрактно-либеральному), что делает нас предметом всемирного недоумения. По-российски нам надо сначала все разметать, в первую очередь саму организационную основу нашего существования, само государство, т. е. некоторый накопленный материализованный опыт, некоторую более или менее налаженную регулярность и оформленность, а затем, как детям, изумляться, почему же игрушка сломалась, почему отовсюду лезет хаос и разрушение. Это стремление к разрушению столь сильно, что оно охватывает и интеллигенцию, и часть духовной элиты, которые тем самым изменяют своей социальной функции — быть наиболее глубоким и ответственным субъектом критики исторического опыта, субъектом массового стремления к порядку через хаос, к форме через бесформенность, к добру через зло. Этот маршрут всегда оказывается для нас непроходимым, и мы застреваем в самом опасном месте.

Исторически сложившаяся рефлексия — всеобщее определение человека. Она проявляется в бесконечном количестве форм, например, в способности видеть в повседневности, во всех без исключения проблемах историческую составляющую, результат истории. Историческое видение противостоит неэффективным решениям, и это особенно важно при проведении реформ.

Слабость рефлексии — в недостаточной способности решать сложные проблемы через целое, т. е. через взаимопроникновение части и целого. Например, исторически сложилось так, что земледельцы и ремесленники в России стремились удовлетворить лишь свои личные потребности, не слишком заботясь об обществе в целом¹⁷. Сегодня в локализме наблюдаются эти же тенденции, что может быть гибельным для общества.

¹⁷ *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 21-32.

Развитие рефлексии не есть прерогатива какой-то отдельной сферы общества — это прежде всего развитие личности, и сегодня ее важнейшая форма проявления — массовая способность к частной инициативе, готовность брать на себя ответственные решения, организовывать разнообразную деятельность, вовлекать в нее многих людей, в тенденции — все общество.

Выход из создавшегося положения, если брать именно категориальный, а не частный уровень, следует искать *на пути повышения уровня массовой рефлексии как на личностном уровне, так и на основе перестройки всех институтов общества*. Здесь важнейшее значение имеет деятельность интеллигенции. В принципе, как более образованный слой общества, она должна быть некоей точкой роста, где рефлексия не только растет, но и втягивает в этот процесс все общество. Однако исторически сложилось так, что интеллигенция в своей значительной части стремилась абсолютизировать некоторый исторически сложившийся уровень рефлексии. Более того, она часто стремится устранить возможность повышать рефлексии, потворствуя тенденциям ликвидации источников беспокойного большинства роста рефлексии.

Реакция общества на недостаточный уровень массовой рефлексии может выразиться в попытках отдельных социокультурных групп, прежде всего власти, с более развитой, хотя, возможно, односторонней рефлексией, заместить своей рефлексией ее общий недостаток в обществе. Но раскол между двумя уровнями рефлексии неизбежно приводит к тому, что рефлексия правящей элиты также приобретает расколотый, уродливый характер. Это расстройство рефлексии означает, что власть может увлечь за собой народ, лишь используя сложные, но ограниченные механизмы, прежде всего эмоционального характера, которые по своей природе могут постоянно доводить любое дело до крайностей, разрушая устойчивость длительного конструктивного процесса. Массовые инверсионные колебания неизбежно парализуют возможность развития рефлексии, в частности, подавляя, истребляя формы деятельности, критикующие свое существование, общепринятые нормы, формы труда, исторический опыт, уничтожая те точки роста, анклавов, где зарождается более высокий уровень рефлексии.

Идеологическая борьба, которая постоянно в различных формах идет в стране, кроме всего прочего, является борьбой за разный уровень, разный характер массовой рефлексии. Например, известное письмо 74 русских писателей¹⁸ является по-

¹⁸ См.: Литературная Россия. 1989.

пыткой убедить русского человека в его непогрешимости, в том, что то дерьмо, в котором сегодня он сидит, является результатом чьих-то злобных козней, внешних сил. Идеологи этноцентризма всю свою энергию тратят на то, чтобы убедить русского человека в том, что не нужно серьезно и глубоко критически относиться к себе, к своей истории, к своей причастности к бесчисленным преступлениям, которые творились в стране на протяжении ее истории и творятся сегодня.

Если какая-то группа действительно хотела бы сегодня навредить русскому народу, то, очевидно, самый лучший способ был бы убедить всех и каждого в его непричастности ко всем бедам собственной страны, в том, что он не только хорош, каков он есть, но и лучше всех других народов мира, что именно сегодня, как и всегда, весь мир должен учиться у русских. Успех проповеди такой неслыханной племенной гордыни означал бы, что народ вновь обрекается на разрушительное движение по кривой исторической инерции, что он лишен главного человеческого качества — творческой рефлексии. Люди, впавшие в грех гордыни, неспособны повернуть маховик исторической инерции, так как они не нацелены на самоусовершенствование, на очищение себя от всемирного срама. Они стали бы продолжать истреблять себя в процессе бесконечного поиска новых врагов, не только истощая свои жизненные силы в бесплодном самоподавлении, но и культивируя именно те аспекты своего культурного багажа, которые ведут к новому краху.

Бесчисленные племена и народы на протяжении человеческой истории исчезли с лица земли, так как, очевидно, их культура оказалась недостаточно способной изменяться, преодолевать собственные противоречия, приспосабливаться к изменившейся ситуации. Задержка в развитии рефлексии в целом, ее различных форм (например, ступени развития рефлексии, связанной с торговлей), запаздывание по сравнению с усложнением проблем в совершенствовании критики исторического опыта — вот главный тормоз прогресса жизнеспособности.

Попытка законсервировать или даже снизить исторически сложившийся уровень массовой рефлексии может выступать как обожествление народа, которому, как божеству, нет необходимости заниматься самокритикой. Вот почему для интеллигенции необходимо решать проблему теодицеи, т. е. объяснить существование зла в обществе. Впрочем, такая проблема существует лишь для монотеизма, например, для христианства, но ее нет для манихейского сознания. Для него зло — равноправная субстанция, и, следовательно, общество не мыслится без профессионалов зла. Все, что в стране было хорошо, — это ре-

зультат деятельности народа, а что плохо — результат козней не-народа, чужого народа, отщепенцев, врагов, антитотемов и т. д. Сам народ ни в чем не виноват и лишь воспроизводит зло в своей деятельности, зло, которое ему подсунули. Народ страдает от козней злодеев, которые, естественно, не включены в народ, но ему противостоят. Тем самым та часть интеллигенции, которая придерживается этой позиции, по сути, отказывается от критики народа, критики реального его исторического опыта, сложившегося уровня, характера рефлексии. В этой связи выдвигается ряд общих социологических идей, которые здесь нет возможности рассматривать. Важнейший их тезис: «Народы не отвечают за своих вождей»¹⁹. Эта удивительная инфантильность идет от древнего локализма и тотемизма, где тотем-отец подчинялся собственным капризам, а не «воле народа». Отсюда уверенность, что власть — нечто вроде языческого божества, которое может требовать человеческих жертв и вообще чего угодно. Ее можно сменить, как и тотем, но невозможно изменить ее природу.

В действительности народ всегда ответствен за власть, даже тогда, когда он этого и не знает, но когда он каждый день в своей деятельности воспроизводит ее в своем поведении, выполняет ее распоряжения, снабжает ресурсами. Ответственность включает в себя не только идеальный, но и функциональный аспект.

Культивировать идею безответственности народа за деятельность власти — значит культивировать старый обанкротившийся опыт истории, накопленный в локальных мирах в традиционном обществе, обладающем уровнем рефлексии, который неизмеримо ниже потребностей большого общества. Это значит сохранить историческую инерцию, вести дело к новым поискам «виноватых», новым погромам, массовым избиениям «врагов», новым катастрофам. В том, что произошло с Россией, виновны все, даже те, кто родился позже, но кто не осудил в своем сердце преступления, кто делает себя неспособным строить мир, противостоящий этим преступлениям, пусть под иными знаменами. Спасение России, как и всего человечества, лишь в глубокой самокритике каждого, которая только и является единственным путем к критике мира и критике ошибок и преступлений других людей. Критика без самокритики разрушает мир.

Недостаточный уровень рефлексии означает, что за новые альтернативы принимаются очередные результаты следования инерции истории, безличным ее силам, **которым мы позволяем**

¹⁹ Гулыга А. В. Русский вопрос// Наш современник. 1990. № 1. С. 175.

вести нас либо ко всепожирающему молоху тоталитаризма, либо к катастрофической атомизации общества. Наше горе в том, что мы практики-фаталисты, т. е. поручаем себя внешним силам, на место которых обычно становится политик, озабоченный больше всего тем, чтобы говорить и делать то, что нам приятно, что вписывается в наш комфортный мир, но тем самым он лишь идет путем нашей серости и беспомощности. *Горе нашей интеллигенции и власти в том, что они пронизаны страхом перед периодическими вспышками народного гнева, направленного на их истребление. Поэтому они, забывая свой долг, обрушивают критику на мифических «врагов», одновременно льстя народу. Тем самым делается черное дело, закрепляется низкий уровень массовой рефлексии, подавляется реальная способность критики исторического опыта, тормозится развитие умения преодолевать инерцию. Горе нашего народа в том, что он побивает камнями своих пророков, предпочитая им людей, которые иллюзорно помещают наше собственное зло вовне, делая нас безгрешными в наших собственных глазах.*

С определенного уровня сложности исторического процесса, например, с перехода от статичных к динамичным ценностям, объяснение, как и понимание, исторического процесса должно перейти на качественно новый уровень. Необходимо теоретическое освоение новых, более глубоких и ранее скрытых пластов реальности. Раскол является мощным стимулом для выявления того, что в основе исторического процесса лежит особая социокультурная реальность, понятая прежде всего как способность людей соответствующей культуры, социокультурного субъекта формулировать свои проблемы и их практически разрешать, т. е. изменять себя, свою воспроизводственную деятельность, свою культуру, свои отношения, свои условия, средства и цели, результаты своей деятельности. Эта способность носит кумулятивный характер, она включает способность накапливать опыт и, следовательно, накапливать эффективность воспроизводственной деятельности людей. Тем не менее существует противоположный процесс, направленный на сохранение привычной комфортной картины мира, что может приводить к периодическим и систематическим уничтожениям достижений культуры, воспроизводственной деятельности. Существует постоянный соблазн сползания к примитиву манихейства, возложения ответственности за мир, за себя на внешнее зло, на тотем, на авось. Это не только препятствует повышению эффективности деятельности, но и снижает ее.

Следовательно, на первый план в изучении общества должна выйти реальность человеческих способностей, возможностей

преодолевать социальную энтропию, дезорганизацию, держать ее в определенных пределах, а также конструктивно выходить за рамки исторически сложившихся возможностей, социальных отношений, культуры. На первый план должна выйти способность преодолеть ограниченность социальных отношений, искать их культурную меру.

Возможно бесконечное множество комбинаций, где по одним параметрам общество оказывается на высоте положения, по другим — на уровне ниже необходимого. Россия представляет собой особо сложный случай, где на вызов другой цивилизации страна ответила расколом. Раскол сам по себе оказался мощным вызовом истории, который толкает страну к катастрофе. Это еще раз подчеркивает необходимость обращения к анализу механизмов, ведущих к преодолению ограниченности внутренних сил страны, к повышению эффективности воспроизводственной деятельности. Анализ показывает, что в каждой клеточке культуры и деятельности в результате дезорганизации воспроизводственной деятельности пересекаются разнонаправленные векторы конструктивной напряженности, что создает своеобразные силы кручения, «завихрения» деятельности. В расколотом обществе существует фундаментальное противоречие между социальными отношениями, которые носят странный характер псевдо, с одной стороны, и неадекватностью духовной культуры, которая лежит в основе освоения каждой личностью этих отношений, с другой стороны. Тем самым в обществе развивается неадекватная мысль, неадекватные отношения, неадекватность человека самому себе. В обществе властвуют фантомы. Все это невозможно сделать специально. Это результат сложного противоречивого исторического процесса. Для понимания этого явления необходимо отказ от сложившегося языка псевдонауки, от попыток описать сложные явления в терминах модернизированных мифов, от описания старых потребностей через абсолютизацию «хочу», от некритического восприятия собственных потребностей.

Необходимо отказаться от постоянного преувеличения значимости верхнего слоя культуры. Верхний уровень может принять лозунги и формы мировых религий, марксизма и чего угодно, что имеет мало значения для объяснения массового поведения, самого характера воспроизводства институтов, форм человеческих отношений и т. д. Для этого необходимо рассмотреть глубинные пласты массового сознания, народной культуры, имеющие подчас архаичные истоки, на которые могут накладываться новые слои. Задача науки как раз и заключается в выявлении отношений этих уровней между собой,

выявлении мучительных процессов приспособления всех высших уровней к сложным и неясным массовым процессам.

Судьба России не может быть объяснена тем, что в ней марксизм (марксизм ли?) стал на какое-то время господствующим учением, и поэтому вряд ли можно думать, что замена его православием спасет страну. Единственная разница будет заключаться в том, что раньше людей избивали за классовую принадлежность, которая может быть заменена на религиозно-национальную. Определяющее значение имеют массовые культурные стереотипы миллионов людей, их представления об условиях, средствах и целях своей жизни, основополагающие оппозиции их культуры, логика использования этих стереотипов в процессе осмысления явлений, способность миллионов на основе своего культурного богатства решать проблемы, воспроизводить себя и реальный мир. Стереотипы не неизменны, но вряд ли существенно изменятся от того, какую философию исповедует правящая элита.

Каждая страна, будучи особым фокусом человечества, переживает в известном смысле все трагедии мира, точно так же как все человечество неизбежно переживает локальные трагедии, которые тем самым становятся общими проблемами. *Сегодня этот фокус — прежде всего проблема отношения двух основополагающих цивилизаций.* И от того, как она преломляется в каждом народе, зависит судьба этого народа, а возможно, и человечества в целом. *Нарастание рефлексии или деградация — много выхода нет ни у России, ни у всего человечества.*